

И.О. Шайтанов

Безумие

Опубликовано в альманахе «Денница» (1834), написано, вероятно, в 1829.

Образ безумия олицетворен и представлен в виде таинственного существа, жалкого и беззаботно-веселого, зарывшегося на краю мира в раскаленные пески. Однако в своем жалком состоянии это существо наделено провидческой способностью слышать «ток подземных вод, / И колыбельное их пенье, / И шумный из земли исход». Или это мнимая способность, живущая лишь в сознании, пораженном безумием: «И мнит, что слышит...»?

Стихотворение по причине своей загадочности вызывало разные интерпретации. Одни исследователи были готовы поверить в сверхъестественную пронзительность изображенного существа и даже связывали его с конкретным образом людей, наделенных даром находить воду в пустыне: «Тютчев имеет в виду так называемых “водоискателей” (К. Пигарев). Другие полагали, что здесь изображен ложный дар, отвергнуто как безумие интуитивное сверхзнание. Так считал Н. Берковский и усматривал в стихотворении полемику с шеллингианством в его крайностях.

Изображенное здесь существо действительно захвачено чем-то напоминающим интуитивную страсть к познанию тайного и целиком экстравертно, лишено «душевной глубины». Интуиция противопоставлена самопознанию. Однако сложно сказать, ложное или истинное это знание, обладают им или только мнят, что обладают.

В свое время Л. Пумпянский в качестве закона поэтического мышления Тютчева выявил исконно присущую ему двойственность, выражающую себя в стремлении увидеть явление с разных сторон, представить с разных точек зрения. Эта интенсивность мысли тяготеет к цикличности: «Замечательной чертой поэзии Тютчева является обилие повторений, дублетов». Едва ли можно верно прочесть стихотворение «Безумие», забывая о другом прославленном тексте Тютчева, ему современном и в отношении его служащем дублетом, — «Silentium!».

И в том и в другом случае Тютчев не начертал жизненную программу, а предложил два противоположных типа существования. Один (безумие) направлен вовне. Другой (молчание) устремлен внутрь себя, на «душевную глубину». Можно ли какой-либо из них, взятый в отдельности, считать безусловно самодостаточным или безусловно отвергаемым?

Если на своем пределе интуитивная сверхчувственность и может угрожать разуму, грозить безумием, то без нее невозможен дар прозрения, и в том числе поэтический дар. Вероятно, этим и объясняется почти буквальное совпадение между «Безумием» и стихами, которые Тютчев обратил к А. Фету, поэту, высоко им ценимому, противопоставляя ложность «слепого инстинкта» истинной способности узреть суть «под оболочкой зримой».